

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О слогѣ, или о совершенствахъ слова, зависящихъ вообще отъ украшеній, изобрѣтенія и разположенія.

65.

О слогѣ § 179. Прочитавъ со вниманіемъ вообще. нѣсколько сочиненій одного рода, не можно не примѣнить, что въ нихъ есть нѣчто особенное, чѣмъ свойственное имъ краснорѣчіе отлично отъ краснорѣчія употребляемаго въ сочиненіяхъ другого рода; и что сіе отличие состоитъ не въ одномъ только искусствѣ употреблять такіа выраженія и украшенія, и послѣднія въ такой мѣрѣ и степени, что все сіе, соотвѣтствуя одно другому взаимно, дѣлаетъ какъ бы особенное нарѣчіе языка; но сверхъ сего внимательный читатель примѣчаетъ еще въ сочиненіяхъ одного рода нѣчто, имъ однимъ принадлежащее, въ разсужденіи самыхъ мыслей, то есть, ихъ образа произхожденія, ихъ совершенствъ, размѣ-

щенія и связи. Впрочемъ когда выраженія и украшенія во всемъ сочиненіи имѣють нѣчто особенное; то не возможно, чѣмъ изображаемыя ими мысли не имѣли тогоже самаго качества. Такое опличіе краснорѣчія примѣтно даже въ твореніяхъ одного писателя. Въ произведеніи мыслей всегда одно наиболѣе дѣйствуетъ у него дарованіе; сообщаемыя имъ чувствованія по большей части изъ одного произтекають изъ источника, дѣйствующаго на чувствительность его; въ разположеніи, выраженіяхъ, украшеніяхъ, видно болѣе искусство одного рода; однимъ словомъ, все, кажется, изъ одной вышло формы: а сіе опъ того, чѣмъ все произведено одною господствующею въ душѣ писателя силою. Испинну сего подтверждаетъ то, чѣмъ краснорѣчіе, свойственное одному народу, всегда имѣетъ нѣчто, чѣмъ оно различно опъ краснорѣчія, употребляемаго другимъ народомъ. Какъ же вѣдѣи называютъ сей особенный образъ краснорѣчія, какъ бы принадлежащаго въ особенностяхи какому нибудь или роду сочиненій, или сочинителю? Сіе есть не что иное, какъ слогъ. А по сему все то входитъ

въ понятіе о слогѣ, что токмо участвуешь въ составленіи того, чѣмъ краснорѣчіе одного рода опличается отъ другаго; то есть все, что сочиненіе со стороны и мыслей и выраженій имѣетъ хорошаго или худаго, превосходнаго или не достаточнаго.

Слогъ
долженъ
опвѣчать
намѣре-
нію сочи-
ненія.

§ 180. Главное совершенство всякаго зданія состоитъ въ томъ, чтобъ оно опвѣщивало тому намѣренію, съ какимъ выспрошено: подобнымъ образомъ самое важное и самое нужнѣйшее качество сочиненія есть то, чтобы слогъ, то есть употребленныя въ немъ мысли и выраженія, были сообразны главному намѣренію всего слова; такъ что чѣмъ болѣе оцущипельны излишество или недостатокъ краснорѣчія въ отношеніи къ той цѣли, кою которой сочинитель долженъ достигнуть; тѣмъ менѣе онъ можетъ ожидатьжелаемаго имъ успѣха. Въ самомъ дѣлѣ совершенно не возможно возпламенить сердце слушающаго, говоря о предметѣ возбуждаемойспрасни языкомъ равнодушія: не возможно плѣнить его воображеніе такою рѣчію, кою не изощре-

никакими искусственными красками; и нѣтъ ничего обыкновеннѣе и справедливѣе, какъ его негодование въ такомъ случаѣ, когда о дѣлахъ весьма важныхъ предлагають ему или нерадиво, или легкомысленно; и напропивъ сего говоря о дѣлахъ простыхъ и обыкновенныхъ изощрають все искусство краснорѣчія.

§ 181. Но чѣобы слогъ опѣшп- Намѣре-
сповалъ всегда главному намѣренію ніе сочи-
сочиненія; по споишь только на- ненія бы-
передъ заняться нѣсколько мапе- в а е ш ь
рією слова. Сіе не большое размы- прояко.
шленіе топчасъ покажеть и шу-
щль, къ которой должно клонись-
ся все сочиненіе, и по искусво,
такое долженъ въ немъ употребить
сочинитель. Положимъ на примѣръ,
что онъ хочеть пересказать своимъ
слушателямъ или читателямъ нѣ-
которое, впрочемъ не рѣдкое, но о-
быкновенное произшествіе; первое
въ семъ случаѣ его намѣреніе долж-
но быть то, чѣобъ ясно начерпашъ,
и надолго оставить въ ихъ памяти
сообщаемое имъ произшествіе; а для
сего конечно не нужно высокопар-
ное краснорѣчіе, но доспапочно
почти одно простое и еспешивен-

ное слово. Но когда содержаніе сочиненія будетъ гораздо болѣе занимающая вниманіе мысль; тогда долгъ писателя не только изложить ее сколько можно яснѣе, и еще увѣрить и убѣдить въ ней своихъ слушателей: и по сему онъ сверхъ ясноссти и пвердоссти доказательствъ употребитъ въ помощь искусство краснорѣчія; дабы чрезъ то плѣнить воображеніе, удобнѣе повелѣвать умомъ и сердцемъ. Послушаемъ теперь вѣнчающаго о какомъ нибудь обыкновенномъ, важномъ и весьма занимающемъ его слушателей предметѣ: онъ разпочаесть всѣ сокровища вѣнчательства, и шакъ сказать миновавъ разумъ, говоритъ единственно сердцу.

С л о г ъ § 182. Опъ сего производятся пропри различныя между собою рода. Когда сочинитель или по-
якого рода. да.

вѣнчатель, или разсуждаетъ о чемъ нибудь не весьма важномъ, съ шѣмъ намѣреніемъ, чѣобы шолько ошѣнчить сіе въ памяти или въ умѣ своихъ чшпателей; то употребляется въ семъ случаѣ краснорѣчіе называемся низкимъ или просшымъ сло-

томъ: но когда онъ спарается уладить и плънить ихъ воображеніе своимъ словомъ, соединяя съ природными искусственныя красоты; по употребляемое на сей конецъ краснорѣчіе извѣстно подъ именемъ посредственнаго слога: наконецъ когда писатель возхищаетъ разумъ, проникаетъ въ сердце, и самовластно имъ повелѣваетъ посредствомъ своего слова; по сего рода краснорѣчіе называется высокимъ слогомъ.

66.

§ 183. Низкій или простой Низкій
 слогъ есть такое краснорѣчіе, ко- слогъ.
 торое по видимому весьма мало различно отъ повсѣдневнаго разговора. Естественная простота, тонкая замысловатость, не рѣдко нѣжность, составляющъ главное его совершенство. Если сочинитель, который пишетъ симъ слогомъ, употребляетъ мнѣнія, то онъ бываетъ болѣе вкрадчивы нежели сильны; если употребляетъ описанія, то онъ болѣе приятны, нежели высоки. Не увидите также у него такихъ выраженій, въ которыхъ бы очень примѣтно было искусство и рачительность; даже въпрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у-

крашенія кажутся родившимися сами собою безъ всякаго съ его сора роны раченія: при всемъ помъ дѣ найдете въ немъ чистоту и совершенную точность словъ и выражений: однимъ словомъ, онъ кажется намъ такимъ природнымъ Римомъ, который совсемъ не знаетъ искусственныхъ украшеній; однимъ болѣе плѣняетъ сею естественною простотою, чѣмъ менѣе кажется, спарается о помъ, и чѣмъ скрыпнѣе употребляетъ прави краспорѣчія.

Примѣръ Слѣдующее письмо Рускаго низкаго пешеслѣнника можешь служить слога. примѣромъ сего слога.

Въ Иль-де-Франсѣ зрѣютъ плоды на деревьяхъ, — въ Пикардіи все еще цвѣтетъ и благоухаетъ, — въ окрестностяхъ Булони едва распускаются лучечки цвѣта. Перемѣна климата чувствительна на каждомъ милѣ; и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ Юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣжитъ къ Сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ Каштановымъ дереvomъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора; — смотрю чрезъ луга и поля на синѣющее вдали море и на городокъ Кале, окруженный болотами и лесами.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я приѣхалъ на край свѣта. Тамъ не обозримое море, — конецъ земли, — природа хладѣетъ, умираетъ, — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? Кто беретъ участіе въ моей горести? Кому изъясню чувства свои? Я одинъ... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? Гдѣ рука ваша? Гдѣ сердце ваше? Ахъ! кому подкрѣпить слабаго? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милые узы отечества, родства и дружбы! Я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе; — чувствую и лобызаю съ нѣжностію!

Дикой, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великій городъ Европы, на сценѣ всѣхъ блестящихъ искусствъ, видитъ богатство и пышность; — видитъ и лѣнится: — но чрезъ минуту очарованіе исчезаетъ, — хладъ остается въ его сердцѣ; и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согревалась питательными лучами любви и дружбы.

Разные
роды низкаго слога.

§ 184. Какъ низкій слогъ есть подражаніе повседневныхъ разговоровъ; но и употребляется во всѣхъ шѣхъ случаяхъ, когда матеріею сочиненія бываетъ чтонибудь шакое, что служишь содержаніемъ обыкновенныхъ въ общежитіи разговоровъ; и слѣдовательно когда писатель долженъ говорить языкомъ природнаго словесника. Такимъ образомъ изъясняется онъ въ разговорахъ, въ пріятельскихъ писмахъ, въ повѣствованіяхъ, и даже

въ учебныхъ книгахъ: а по сей причинѣ низкій слогъ называется иногда разговорнымъ, иногда письменнымъ, иногда историческимъ, иногда же поучительнымъ; и хопя всѣ сии виды въ существенныхъ своихъ качествахъ одинаковы; при всемъ томъ каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто особенное, чѣмъ онъ отъ другаго отличается.

§ 185. Слогъ разговорный есть **Слогъ** самое ближайшее подражаніе употребляемаго въ обществѣ слова; **разговорный.** пошому что въ немъ сочинитель, скрывая себя подъ именами разговаривающихъ лицъ, долженъ говорить приличнымъ каждому изъ нихъ языкомъ; дабы чрезъ то совершенно изобразить предполагаемыя въ нихъ качества души и чувствованія сердца; а на сей конецъ не только выраженія, но и самыя мысли должны, такъ сказать, отзываться ихъ состояніемъ. Сверхъ сего разговоръ долженъ изобразить такое двухъ или многихъ лицъ между собою обращеніе, которое казалось бы занимающимъ разговаривающихъ, а чрезъ то занимало бы и слушателей сего сочиненія. По сей причинѣ въ разговорн.

говоръ употребительны приспосабливаемы пословицы, острья шушки, замѣсловая игра словъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже пропонародныя выраженія. По чему сочинитель разговора долженъ быть весьма свѣдущъ во всемъ, что касается до взаимнаго между собою обращенія людей всякаго сословія. Наставники выпѣшства примѣшивъ, что чрезмѣрное сходство сочиненнаго по правиламъ разговора съ ежедневнымъ нашимъ обращеніемъ весьма пріятно занимаетъ слушателя или читателя, ввели въ обычай иногда о чемъ нибудь важномъ предлагать въ видѣ разговора, дабы чрезъ то болѣе привлечь любопытства и вниманія. Въ семъ случаѣ слогъ писателя, чтобы соотвѣтствовать матеріи, болѣе бываетъ поучительный, нежели разговорный. Самымъ лучшимъ примѣромъ слога собственно разговорнаго могутъ служить комическія превосходныя творцевъ сочиненія.

Слогъ
писмен-
ный.

§ 186. Переписка двухъ приятелей, замѣняющая личное ихъ между собою обращеніе, должна быть точнымъ подражаніемъ онаго. Со-

чинитель письма долженъ его писать такъ, какъ бы онъ спалъ говорить, но говорить чисто и исправно. И по сему въ такихъ письмахъ все то не можетъ имѣть мѣста, что не свойственно личному обращенію, на примѣръ, плодотворное изображеніе, философское глубоко-мыслие, величественныя описанія, избранныя выраженія, длинные періоды, опшывающееся раченіемъ словопеченіе, и проч. Напротивъ вездѣ простота и откровенность, съ какою обращаются между собою приятели; вездѣ естественность мыслей и слова, которая не сполла сочинителю никакого труда, суть истинныя качества писменнаго слова. Даже нѣкоторыя не большія погрѣшности въ немъ извинительны. При всемъ томъ употребляемый въ письмахъ слогъ долженъ быть нѣсколько выше и рачительнѣе разговорнаго: потому что въ разговорѣ сочинитель говоритъ такъ, какъ будто онъ ни мало о томъ напередъ не думалъ, но слѣдовалъ только одной случайной связи мыслей: напротивъ сего въ письмахъ онъ долженъ быть нѣсколько разборчивѣе, зная, что каждое выраженіе, каж-

дая мысль будетъ опнесена на щетъ не случая, но его собственныя: тѣмъ болѣе, что всякой чинашъ предполагаетъ, что онъ довольно имѣлъ времени обдумать все то, что содержишь въ себѣ его письма. Всякой чувствуетъ, что такой слогъ употребленъ въ однѣхъ приятельскихъ писмахъ: напротивъ сего въ ученыхъ, которыя введены по тойже причинѣ, по какой начали писать и разговоры о важныхъ матеріяхъ, слогъ естественно долженъ быть почти одинъ съ поучительнымъ, съ не большими и при томъ въ приспойныхъ мѣстахъ оппѣными писменнаго. Сочинитель письма высокаго болѣе ব্যবাপъ, какъ уже сказано прежде, вишію, нежели подражаедемъ личнаго разговора. Къ показаннымъ родамъ писемъ можно еще присовокупить тѣ, которыя составляютъ переписку между людьми мало знакомыми, и иногда не равнаго состоянія, о дѣлахъ собственныхъ или касающихся ихъ должностей. Сей родъ писемъ составляетъ нечто среднее между высокими и приятельскими, и болѣе всего требуетъ яснаго и чистаго слова при

свойспвенной въ нынѣшнія времена
 благовоспипанному гражданину въ-
 жливости, въ разсужденіи которой
 однако сочинитель сообразуется съ
 положеніемъ какъ своимъ, такъ и
 того, съ кѣмъ переписывается.
 Человѣкъ низшаго соспоянія изъ-
 ясняется предъ тѣмъ, кпо его вы-
 ше, съ нѣкоторою почпипельно-
 спію, а высшій своими выраженіа-
 ми, такъ сказать, сближаеиъ сколь-
 ко можно свое соспояніе съ соспоя-
 ніемъ того, къ кому пишеиъ; на-
 блюдая при томъ оба, чптобы не уни-
 зить себя чрезмѣрно, и оспашься
 въ округѣ приличнаго каждому изъ
 нихъ рода мыслей и слова. Когдаже
 равный пишеиъ къ равному; вездѣ
 опзывается о немъ съ нѣкоторымъ
 уваженіемъ, даже предпочпеніемъ.

67

§ 187. Слогъ историческій еспъ **Слогъ**
 поиъ родъ вишійспва, который упо- **истори-**
 пребляется во всѣхъ, какія только **ческий.**
 бываюиъ, описаніяхъ, повѣспвовані-
 яхъ и испоріяхъ. Главныя онаго
 совершенспва супъ со спороны из-
 обрѣшенія чрезмѣрная еспеспвен-
 ность мыслей, по еспъ сущеспвен-
 ное къ предмету сочиненія оныхъ
 опношеніе, по которому ихъ при-

обръпленіе никакого не спонс
сочинишелю напряженія и усилія,
но только показываетъ, что онъ
весьма тонко и подробно знаетъ
свой предметъ; со стороны разпо-
ложенія, простое наблюдение природ-
наго порядка дѣлъ, и такая связь
частей сочиненія, что возбужденное
одною изъ нихъ любопытство чи-
пателя не можетъ иначе быть у-
довлетворено, какъ съ окончаніемъ
уже всего сочиненія; наконецъ съ
споры выражений ясная и пре-
простая свободная рѣчь, при украше-
ніяхъ соразмѣрныхъ содержанію со-
чиненія, и болѣею частію такихъ,
какія свойственны естественному
слову. Впрочемъ не возможно,
чтобы историческій слогъ во всѣхъ
выше сказанныхъ сочиненіяхъ былъ
одинаковъ, по причинѣ великой ихъ
между собою разнообразіи. По-
елику въ первыхъ содержаніемъ о-
ныхъ бываетъ иногда что нибудь
обыкновенное въ природѣ или че-
ловѣческомъ общежитіи, иногда
что нибудь рѣдкое, важное и зани-
мающее всѣхъ; въ вторыхъ самыя
свои сочиненія пишутся или для про-
чтенія одного, по крайней мѣрѣ не
многихъ, или для удовлетворенія

любопытства цѣлаго общества просвѣщенныхъ. Сверхъ сего творцы такихъ сочиненій различное въ разныхъ случаяхъ предполагаютъ произвѣсти ими въ своихъ чинахъ дѣйствіе: такъ что иногда хотѣтъ покомъ сообщить ясное и доспашочное о какомъ нибудь предметѣ свѣденіе; иногдаже, слѣдуя существу своей матеріи, занявъ припашнымъ образомъ воображеніе чинахъ, а иногда, особливо въ описаніяхъ спиховорческихъ, произвѣсти чувствованія спраспи. И такъ когда бываетъ описуемо что нибудь такое, что можетъ быть, или и бываетъ, содержаніемъ разговора одного припаша или знакомца съ другимъ; и при томъ когда извѣстно, что сочиненіе будетъ имѣть одного, по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ, и при томъ знакомыхъ чинахъ; или когда оно должно быть написано такъ, какъ пишутъ въ такомъ случаѣ, то есть не для цѣлаго общества, но для не многихъ только: то обыкновенно бываетъ употребляемъ родъ слова, свойственнаго разговорамъ и припашьскимъ письмамъ. Но когда содержаніемъ описанія будетъ что нибудь важнѣе, то есть когда сочинитель

оного имѣеть цѣлю, представивъ воображенію или чувствительности чипапелей нѣчто разительное, и при томъ пишетъ для цѣлаго общесства: по безъ сомнѣнія онъ долженъ быть гораздо рачительнѣе, и употреблять болѣе, нежели сколько свойственно низкому слогу, виписываемаго искусства; долженъ болѣе входить въ достоинство мыслей и чувствованій, и объясняться съ такимъ краснорѣчіемъ, которое видимо приобрѣтено наукою, а не навыкомъ и силою природы; наблюдая, что бы все оповѣдало важности матеріи, и клонилось къ единству намеренія описанія, то есть чтобы цѣлое сочиненіе внушало чипапелю одно общее о предметѣ описанія понятіе. Почти также пишущіе описанія вымышленныя: различіе только въ томъ, что онѣ, будучи сочиненія стихотворческія, преобладаютъ красотъ свойственныхъ виписыванію сего рода. Наконецъ слогъ собственно историческій, то есть употребляемый въ исторіяхъ, долженъ оповѣствовать тому важному объ исторіи понятію, что она есть училище современниковъ и потомковъ; и по сему долженъ имѣть важность,

основапелность и благоразуміе
 свойспвенное паковому наспавнику.
 Слѣдовапелно сочинилъ испоріи
 вездѣ долженъ помнилъ, что онъ и-
 мѣетъ дѣло не съ воображеніемъ,
 но съ разсудкомъ чипапелей; и по-
 тому въ изобрѣшеніи почерпаетъ
 изящныя мысли не изъ рипоричес-
 кихъ мѣспъ, не изъ мечпаній вооб-
 раженія, но изъ сущеспвенныхъ об-
 стояпелспвъ самаго дѣла; когда
 въ чемъ нибудь разпроспраняетъ,
 то не съ шѣмъ, чтобы припнымъ
 образомъ занявъ своихъ чипапелей,
 но чтобы поразилъ ихъ вниманіе
 подробнымъ изображеніемъ самой,
 такъ сказаъ, внуспренности пред-
 спавляемаго важнаго произшеспвія;
 когда опкрываеъ свои чувспво-
 ванія, то онѣ изъ его собспвеннаго,
 какъ говоряъ, изливающихся сердца;
 такъ что онъ прежде и сильнѣе
 всѣхъ, кажеъ, былъ пораженъ
 повѣспвуемыми бытіями: въ разпо-
 ложеніи и соединеніи предлагаемыхъ
 имъ дѣяній вездѣ слѣдуеъ взаимно-
 му ихъ опношенію, и спрого на-
 блюдаеъ, чтобы послѣдующія все-
 гда рождались изъ предшеспвовав-
 шихъ, дабы его сочиненіе при всей
 разнообразности содержащихся въ

немъ дѣлъ и вещей, казалось однимъ не прерывнымъ цѣлымъ, и внушало, сколько возможно, одно общее понятіе о томъ народѣ или человѣкѣ, котораго дѣянія бываютъ предметомъ повѣспованія. Наконецъ въ разсужденіи выраженій, не блескъ реченій, не масперскій оныхъ подборъ, не игривые обропы словосочиненій, но починость, приспосиность и сильная крапкость соспавляющъ главныя доспосииспва испорическаго слога. Онъ принимаетъ, правда, и украшенія, даже иногда высокія и спремипельныя, особливо въ рѣчахъ вводныхъ; но онъ всегда бываетъ произведеніемъ сильныхъ чувспвованій, рожденныхъ въ душѣ испорика повѣспвуемыми дѣяніями. Однимъ словомъ, свойспвенное испоріямъ вишійспво есть шакое слово, въ которомъ видны опличныя природныя, но возвышенныя и усовершенныя великою опышностію и наукою дарованія.

Слогъ поучительный. § 188. Поучительный слогъ (style didactique) употребляется въ шѣхъ сочиненіяхъ, которыя содержатъ въ себѣ какую нибудь науку, или одну шолько часпъ оной. По-

елику писатель сего рода со спорны изобрѣшенія почти никакого не имѣетъ себѣ дѣла, кромѣ наблюденія основательности мыслей: по все свое вниманіе обращаетъ токмо на разположеніе сочиненія и на способъ выраженія. Въ разсужденіи перваго главное искусство его состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себѣ такое какъ всего сочиненія, такъ и каждой части онаго, предначертаніе, которое, будучи сколько можно естественнѣе и понятнѣе, заключало бы все нужное, и при томъ въ не прерывной связи. По избраніи такого разположенія долгъ сочинителя осперегаться прервать оное какимъ нибудь особливо къ существу дѣла мало относящимся и пространнымъ описуяніемъ; стараться самымъ лучшимъ образомъ связывать относящіяся къ главному предмету подробности; изяснять рачительно все, что можетъ быть не удобопонятно, присовокупляя къ тому доспачные примѣры; и наконецъ, если предлагаемы бываютъ первыя токмо основанія науки, удаляясь тонкихъ и глубокомысленныхъ размышленій. Что касается до

выраженій, то вразумительность, краткость и важность составляющих опличительных свойств поучительного слога. Вразумительность пребудетъ опъ сочинителя, чпобъ онъ не упопрелялъ ни одного искусственнаго реченія и выраженія, котораго знаменованіе не было прежде имъ изъяснено; и чпобъ вездѣ изъяснялся чисто, но при томъ сколько возможно сходственнѣе съ обыкновенною въ обращеніи просвѣщенныхъ людей рѣчію. Впрочемъ онъ не пренебрегаетъ такихъ украшеній, которыя во первыхъ естественны, и сверхъ того нѣкоторымъ образомъ вознаграждаютъ то, что называется сухою манеріею, и способствуя къ преодолѣнію той скуки, которую многіе чувствуютъ при чтеніи сочиненій сего рода. Но въ такихъ поучительныхъ твореніяхъ, которыхъ содержаніе должно занимать единственно вниманіе, и ничего не предсавляетъ ни для воображенія, ни для чувствительности, никакія вишійственныя украшенія не могутъ имѣть мѣста. Краткость выраженія, исключая всякое многословіе, пребудетъ, чпобы каждая мысль была изображена такими

количествомъ реченій, какое для
того необходимо, чтобы мысль
была выражена точно. Наконецъ
важность поучительнаго слога со-
стоитъ въ удаленіи шупочныхъ
мыслей и выраженій, колкихъ на-
смѣшекъ, и вообще всего, что мо-
жетъ подать предосудительное о
сановитости писателя мнѣніе.

Есть примѣры, что великіе Поучи-
стихотворцы иногда пишутъ цѣ- с т и х о-
лныя сочиненія, въ которыхъ пред- п творчес-
лагаютъ наставленія въ какой ни- кій слогъ.
будь наукъ, или въ какомънибудь
упражненіи; такъ, на примѣръ, Гора-
цій и Боало въ стихотвореніи, Вир-
гилій въ земледѣліи, и проч. Глав-
ныя качества слога, свойственнаго
стихотворческимъ сего рода твор-
ченіямъ, суть тѣже, какихъ пре-
буетъ и употребляемый въ прозѣ
поучительный слогъ: но въ стихо-
твореніи онъ гораздо болѣе, нежели
въ прозѣ, имѣетъ раченія о прина-
дномъ занятіи воображенія искус-
ственными красотою. Предлагая о
самыхъ простыхъ и весьма обык-
новенныхъ вещахъ, возвышаетъ ихъ
избранными обстоятельствомъ и
выраженіями; следуя предназначен-

ному разположенію сочиненія, иногда прерывается оное опскупленіемъ (épisodes,) когда сіи могутъ сильно подѣйствовать на воображеніе и чувствительность, наблюдая поему, что бы сіи опскупленія всегда естественны въ началѣ и концѣ ихъ соединялись съ главнымъ содержаніемъ сочиненія; наконецъ въ выраженіяхъ стихотворецъ наставникъ, при ясности и важности оныхъ, не сравнено болѣе, нежели прозаикъ, употребляетъ украшеній. *Писмо Г. Ломоносова о пользѣ стекла можетъ быть для любителей российской словесности нѣкоторымъ образцемъ стихотворческаго поучительнаго слога.*

64
Слогъ сухой.

§ 189. Изъ всего того, что сказано по сіе мѣсто о низкомъ слогѣ, явствуетъ, что въ сочиненіи, которое писано такимъ слогомъ, виднѣе большею частію столько умѣренно и такъ опорожно употребляетъ искусство науки, что кажется, будто онъ совсемъ не знаетъ правилъ краснорѣчія. Напроставъ сего когда онъ говоритъ единственно языкомъ природы, изъясняясь въ самомъ дѣлѣ безъ всякаго искусства и украшеній.

то сего рода его слово называется сухимъ слогомъ. Въ немъ нигдѣ не можно примѣнить рачительности писателя о томъ, чпобы сколько нибудь плѣнить воображеніе читателей: такъ чпо въ немъ нѣтъ ничего отличнаго отъ обыкновенной въ общежитіи рѣчи ни въ выраженіяхъ, ни въ мысляхъ; нѣтъ чувствительной плавности сочиненія; нѣтъ служащихъ къ украшенію слова проповъ и фигуръ, а еще менѣе замысловатости: чпожъ касаешься до разположенія, то части сего сочиненія бывающъ связаны такъ видимо, чпо всякой сіе примѣнить можеть; словомъ, сего рода писатели ни о чемъ болѣе не стараются, какъ только о томъ, чпобъ ихъ хорошо понимали. По маломъ размысленіи видно, чпо такой слогъ тамъ только можеть имѣть мѣсто, гдѣ или слабыя способности слушателей, или весьма высокая матерія ничего болѣе не пребующъ, какъ возможной ясности сочиненія. При всемъ Глубокъ, томъ грубыя выраженія, простона- или не родныя мнѣнія не въ разговорѣ, а чистый разсѣянность въ размѣщеніи и не слогъ. связность въ соединеніи мыслей, вездѣ составляющъ не сносный по-

рокъ, называемый грубымъ или чиснымъ слогомъ.

Слогъ §. 190. И такъ собственно низкий посред- слогъ употребляется тогда, когда ствен- писатель говоритъ почти съ тѣмъ ный, или только намѣреніемъ, чѣмъ сообщитъ свои мысли другимъ; но когда орапори- онъ хочетъ при томъ убѣдить и ческій. проронуть своимъ словомъ, въ такомъ случаѣ, пиная разумъ слушателей или чинателей справедливостию и основательностию своихъ мыслей, старается еще плѣнить ихъ воображеніе красивою и приятною рѣчию; дабы тѣмъ успѣшнѣе войти въ ихъ сердце. На сей конецъ онъ употребляетъ все то, что только краснорѣчіе имѣетъ плѣнительнаго, и даже не скрываетъ сего искусства. Онъ изобилуетъ опличными мыслями, приятными описаніями, остроумными сравненіями, громкими фигурами, опважными метафорами, новыми и при томъ опборными выраженіями, и такою плавностию слова, которая плѣняя слухъ приводитъ разумъ въ нѣкопорый родъ возпора. Между тѣмъ не мало занимаетъ его и то, чѣмъ все сіе изобиліе и бо-

тапспиво краснорѣчія казалось не произведеніемъ его изобрѣтенія, но естесственнѣмъ слѣдствіемъ маперіи; а съ его спороны чшобъ видно было токмо какъ просвѣщеніе и вкусъ въ выборѣ сихъ красотъ, такъ искусство и рачительность въ ихъ употребленіи. Наконецъ онъ представляя себѣ, что непрерывными и одного рода украшеніями можешъ наскучить своему читателю, то оспавляя воображеніе говоритъ разуму только, то изпеспряетъ свое слово различными красками. Такое краснорѣчіе называется посредственнымъ или оранпорическимъ словомъ. Оно употребляется обыкновенно въ такихъ случаяхъ, когда маперія сочиненія не представляетъ воображенію никакой сильной спра-
спи, (*point de pathetique*,) и не содержишь въ себѣ ничего величественнаго и поряжающаго, (*point d'heroique*;) однако такаго свойства, что не благоразумно было бы говорить о ней проспымъ словомъ: или когда сочинитель пишешъ съ тѣмъ только намѣреніемъ, что-бы дать воображенію своихъ читателей такое упражненіе, копорымъ бы оно могло заняться съ удоволь-

Гдѣ употребляется?

Слогъ не спвиѣмъ. При употребленіи сего поспояннаго слога надобно остерегаться, чтобы не выпши изъ естественныхъ его предѣловъ, изъясняясь то гораздо красивѣе, то гораздо простѣе, нежели сколько требуетъ матерія сочиненія и содержащіяся подъ тѣми выраженіями мысли. Сія погрѣшность называется не поспояннымъ слогомъ.

Примѣръ *Превосходнымъ образцемъ оратори- рического слога можно почитать Русскаго, сову рѣчь противъ наукъ, особливо или по- нѣкоторыя въ ней мѣста, какъ въ средсп- примѣръ слѣдующее.*
веннаго слога.

Вотъ какъ раслуство нравовъ, непремѣнное послѣдствіе роскоши, влечетъ за собою и поврежденіе вкуса! Но если случится, что посреди сихъ великихъ мужей, отличныхъ чрезвычайными дарами, явится кто нибудь такой, который столько покажетъ твердости, что не захочетъ подражать вкусу своихъ современниковъ, и унижить себя дѣтскими произведеніями: то, горе тому! онъ умретъ въ бѣдности и въ неизвѣстности. Ахъ, для чего самый опытный, а не предвѣщанія токмо, предлагаю здѣсь! О Шарль, о Піерръ

Се настала та минута, въ которую кисть ваша, произведенная для усугубленія величества храмовъ нашихъ превосходными и священными изображеніями, падетъ изъ рукъ вашихъ; или подвергнется поношеніямъ, украшая колесницы любово-страстною живописію. А ты, соперникъ Фидіевъ и Праксителейъ, ты, котораго рѣзецъ древніе употребили бы для произведенія Боговъ, могущихъ извинить въ глазахъ нашихъ ихъ идолопоклоненіе, не подражаемый Пигаль! рука твоя должна теперь рѣшиться или обтесывать чрево обезьяны, или вовсе пребыть праздною.

Размышляя о нравахъ, не лзя не привести себѣ на память простоты древности. Она подобна прекрасному берегу, украшенному не хитрою рукою природы, къ которому глаза наши безпрестанно обращаются, и съ которымъ мы разстаемся съ сожалѣніемъ. Когда люди, провождая дни свои въ невинности и добродѣтели, желали имѣть Боговъ свидѣтелями дѣлъ своихъ; тогда обитали съ ними вмѣстѣ въ однихъ хижинахъ: но скоро сдѣлавшись

злыми, не могли болѣе терпѣть толь докучливыхъ зрителей; они водворили ихъ въ великолѣпныхъ храмахъ. Наконецъ изгнали ихъ и оттуда, дабы поселиться тамъ самимъ; или лучше сказать, храмы Боговъ не отличались болѣе отъ жилищъ человѣческихъ. Тогда то развращеніе достигло высочайшей степени; и пороки никогда не прощались далѣе, когда стали быть видимы, такъ сказать, при вратахъ чертоговъ покоящимися на мраморныхъ столпахъ, и избѣченными на Коринѣскихъ капителяхъ.

70

Слогъ § 191. Разсмапривая свойства красивый. и примѣры орапорического слога можно примѣшпшь, что сего рода краснорѣчіе занимаетъ и даетъ пищу вдругъ разуму и воображенію. Но естъ шакіе образцы сего слога, въ копорыхъ писапели или болѣе возхищающъ воображеніе, или болѣе удовлетворяющъ разуму чипапелей. Въ первомъ случаѣ краснорѣчіе называется красивымъ, (*stylus floridus, style fleuri,*) а во второмъ философскимъ слогомъ. И шакъ красивый слогъ естъ шакое слово, въ копоромъ, шакъ сказать, на

каждомъ шагу видно искусство науки; вездѣ плѣняющія украшенія; вездѣ великая рачительность и разборчивость въ разсужденіи словъ и выраженій; вездѣ плодovitость изобрѣшенія, изобилующая оплчными мыслями; вездѣ чрезвычайно ясныя и весьма удовлетворяющія описанія: однимъ словомъ, вездѣ богатое и рѣзвое воображеніе сочинителя, употребивъ себѣ въ помощь всѣ пособія искусства, приводитъ въ движеніе и возпоргъ самое медленное и шомное воображеніе чинашеля. Изъ примѣровъ видно, что сей слогъ употребляютъ такіе писатели, которые отъ природы получили отменно быстрое воображеніе.

Такимъ слогомъ писано похвальное Г. Ломоносова слово Государина Императрицы ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. Для примѣра возьмемъ нѣсколько изъ него періодовъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предприемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за не сказанное благодареніе величайшей

на свѣтъ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сѣискать краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе разпространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой, щедротами ЕЯ ободренный, удобнѣе обращаться, когда голосъ мой, великодушіемъ ЕЯ укрѣпленный, громчае возвыситься можетъ, какъ проловѣдуя и превознося несравненныя достоинства ЕЯ? Не снисканіемъ многословнаго мыслей разпространенія увеличено, не витѣватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже Риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово; но все мое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, вою свою красоту отъ прекрасныхъ ЕЯ добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ ней искренней ревности приметъ. Ибо приносятся благодареніе Государынѣ Благочестивѣйшей; свидѣтельствуютъ со-

зидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенья, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносится благодареніе Государынѣ мужественной; свидѣтельствуютъ надѣ внутренними и внѣшними врагами ЕЯ преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной; свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе ЕЯ злодѣсѣ. Приносится благодареніе Государынѣ премудрой; свидѣтельствуютъ прозорливо предпримлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе Государынѣ челоѣколюбивой; свидѣствуетъ матернее къ подданнымъ ЕЯ снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой; свидѣствуетъ безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти, и данный ЕЙ отъ Бога мечъ на казнъ повинныхъ кровію еще не обагренный. Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой; свидѣствуетъ преизобильное

снабденіе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, сломаженіе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ приятномъ и великолѣльномъ раю разумъ мой нынѣ обрѣтается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны! Всѣ прелюбезны!

Слогъ философскій.

§ 192. Напрошивъ сего слогъ философскій естъ пошъ, въ которомъ болѣе разумъ, нежели воображеніе чипапеля находить себѣ упражненія; пошому чпо въ немъ болѣе видно глубокомыслія приличнаго Философу, нежели приятности и красоты свойственныя орапору; и сочиненіе сего рода плѣняетъ болѣе шѣмъ, чпо почпи вездѣ находимъ въ немъ такія мысли, копоры должны бытъ изобрѣшены швердымъ и мужеспвеннымъ умомъ; чпо размѣшеніе и связь мыслей показываешъ намъ зрѣлое размышленіе писателя; и чпо вспрѣчающіяся украшенія кажутся родившимися сами собою подъ его перомъ, безъ всякаго съ его спороны о шомъ помышленія: словомъ, чпо мы видимъ

вдругъ съ одной спороны нѣкопоруую есшеспивенную проспопу, изпеспренную въ приличныхъ мѣспахъ мужеспивенными красопами, а съ другой высокій и основательный разумъ.

Такиѣ слогоѣ написано слѣдующее размышленіе одного изъ нашихъ проповѣдниковъ. Примѣръ философскаго слога.

Разумъ есть путеводитель воли. Его впечатлѣнія предшествуютъ нашимъ склонностямъ и желаніямъ. И такъ утверждене его въ истиннѣ есть источникъ и основаніе правоты сердца. Тогда не токмо намѣренія, но и самыя помышленія наши не уклоняются отъ стези законовъ и добродѣтели. Ибо всякій законъ въ сущствѣ своемъ есть начертаніе, и всякая добродѣтель есть исполненіе справедливости. Кто соображается съ нею; тотъ никогда не можетъ укорить себя излишнею любовію къ самому себѣ. Онъ далекъ отъ того, чтобы внимать внушеніямъ пристрастія. Никто должностей гражданина не исполняетъ съ большею точностію, какъ человѣкъ правдолюбивый. Онъ никогда не возхититъ чуждаго пра-

ва. Ибо воздавать каждому по достоянію, есть не премѣнный и всегдашній его законъ.

Слогъ высокій.

§ 193. Наконецъ высокій слогъ есть слово, исполненное вѣщественнаго искусства самой верховной степени. Слогъ посредственный плѣняетъ, даже восхищаетъ; избранными красками воображеніе, умъ и сердце; высокій поражаетъ ихъ величественнымъ пареніемъ: первый, поспешенно вкрадываясь въ душу чинашеля, не чувствительнѣе дѣлается повелителемъ ея; второй такое сильное дѣлаетъ вдругъ въ ней впечатлѣніе, которому не возможно сопротивиться, и которое весьма долго въ ней остается; первый, исполняя приятными чувствованіями, приводитъ ее въ забвеніе обыкновеннаго ея состоянія; второй, поспавляя насъ какъ бы выше самихъ себя, не рѣдко изпортаетъ слезы удивленія, чувствительности, и проч: въ первомъ все избранно и изящно; во второмъ все чрезвычайно и не обыкновенно. Касательно мыслей, мужественная оныхъ зрѣлость, поражающая новостъ, обширное просвѣщеніе, бла-

городныя и высокія чувствованія, сильныя описанія, рѣзкія прошивоположенія, во всемъ тонкій и правильный вкусъ, — представляющъ сочинителя какъ бы вдохновеннымъ: со стороны выражений все, что виднѣе имѣетъ самаго сильнаго въ искусствѣ изъясняющъ; все, что рождаетъ въ нашемъ словѣ самаго разительнаго спрашнаго; свойственныя парящему воображенію ипербола, метафоры; дающія всему въ природѣ чувства, душу, языкъ фигуры, самыя избраныя, (у насъ по большей части славянороссійскія,) слова и выраженія, — заставляющъ думать, что видныя говорятъ какимъ то языкомъ боговъ.

Чтобъ явственнѣе видѣть качества сего слога; я предложу здѣсь Примѣръ слера образецъ посредственнаго слога, (извѣстный отрывокъ стихотвореній Сафы;) дабы сличить съ нимъ слѣдующіе послѣ примѣры высокаго слога. слога посредственнаго.

Щастливъ, кто близъ тебя и по тебѣ одной вздыхаетъ; кто вкушаетъ удовольствіе слышать твой гласъ; кто видитъ иногда нѣжную

твою улыбку. Сами боги, посреди
своего блаженства, могутъ ли срав-
няться съ нимъ? Сія улыбка, сей
гласъ, наполняютъ смятеніемъ мое
сердце. Какъ скоро тебя вижу, то
тонкій огонь лѣется изъ одной жилы
въ другую во всемъ моемъ тѣлѣ;
какое то приятное изступленіе души
лишаетъ меня языка; какое то гу-
стое облако носится предъ моими
глазами; какое то сладкое онѣменіе
дѣлаетъ меня не чувствительнымъ
ко всему; я бываю блѣденъ, почти
безъ дыханія, безъ движенія, я хла-
дѣю, я дрожу, я облираю.

71.

Примѣръ
высокаго
слога.

Совсемъ другое усмотримъ въ
слѣдующихъ Г. Ломоносова стихахъ.

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ
многимъ

По холмамъ грозный исполнивъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Крепнистые бугры трещатъ;
И слѣдомъ дерева лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли,
И бурей ярость презирали.

Вотъ еще примѣръ высокаго сло- Другой
га, взятый изъ с. писанія, изобра- примѣръ
жающій дѣйствія гнѣва Божіаго. высокаго
Псал. 17. слога.

Всегда скорбѣти ми, призвахъ
Господа, и къ Богу моему воззвахъ:
услыша отъ храма святаго своего
гласъ мой, и вопль мой предъ
нимъ — вниде во уши его. И по-
движеся и трепетна бысть земля,
и основанія горъ смятошася и по-
двигошася: яко прогнѣвася на ня
Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ его, и
огнь отъ лица его возпламенися,
угліе возгорѣся отъ него. И при-
клони небеса и сниде, и мракъ подъ
ногами его. И взыде на херувимы,
и летѣ, летѣ на крылу вѣтрению. И
положи тьму закровъ свой; окрестъ
его селеніе его — темна вода во обла-
цѣхъ воздушныхъ. Отъ облистанія
его облацы придоша, градъ и угліе
огненное. И возгремѣ съ небесе Го-
сподь, и Вышній даде гласъ свой;
низпосла стрѣлы, и разгна я; и мол-
ніи умножи, и смяте я. И явиша-
ся източницы водній, открывшася
основанія вселенныя отъ запрещенія
твоего, Господи, отъ дохновенія
духа гнѣва твоего.